

ЗЕРКАЛО
ДЛЯ МГЛЫ

ЕЛЕНА ГРОМОВСКАЯ

Елена Громовская

Зеркало для мглы

<https://litres.ru/74640292>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Империи, где магия стала частью повседневной жизни, а могущественный Орден следит за равновесием, маги-Зеркала считаются слишком опасными, чтобы оставлять их без контроля. Поэтому Саманта предпочитает частные заказы, осторожность и никаких лишних вопросов о прошлом.

Но после одного светского приёма в её магии появляется нечто чужое — мгла Изнанки, мира по ту сторону реальности и это ломает привычный уклад жизни.

Ее напарник, и названный брат Кристиан, ведет свою опасную игру, балансируя между приказами Ордена и целью защитить сестру.

Новый заказ приводит их в особняк Андерсонов, где разыгрывается кровавый ритуал. Чтобы выжить и спасти других, Саманте придется использовать запретную магию и цена этого смертная казнь. Единственный свидетель, готовый солгать ради нее, — Дэвид, чье сердце она когда-то разбила.

А мгла усиливает ставки...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Елена Громовская

Зеркало для мглы

Глава 1

8 лет назад.

– Что это? – Дэвид осторожно взял их ее рук тяжелую керамическую кружку.

От мага привычно пахло металлом и сандаловым деревом — запах, от которого раньше у неё подгибались колени.

Сейчас от этого запаха мутило.

Керамическая кружка в ладони Дэвида казалась почти игрушечной.

Над темной поверхностью вился парок, донося до нее успокаивающий аромат луговых трав.

Корень асфоделя. Если принюхаться.

– Чай, – Сэм выдернула руку, ногти царапнули воздух. – Не видишь?

Врала она плохо. Ее голос звучал слишком звонко, почти истерично. Сердце колотилось в груди загнанной птицей, ударяясь о ребра. Сэм торопливо спрятала руки за спину: пальцы мелко и предательски дрожали.

А еще чтобы не передумать и не выбить кружку из его рук. Ночью, когда она варила это зелье, ослепленная слезами

и яростью, идея казалась идеальной. Справедливым возмездием. Но сейчас, при ярком утреннем свете, когда первая, обжигающая обида схлынула...

Сэм с огромным усилием подавила тошнотворное неожиданное чувство вины. Отступить поздно.

Дэвид поднес кружку к губам, но не спешил делать глоток. Он смотрел на нее поверх ободка, чуть приподняв брови.

– С чего такая забота? – в уголках его губ мелькнула легкая, почти привычная улыбка, но она не коснулась глаз.

– А почему нет? Просто захотелось.

– Захотелось, – эхом, как-то слишком задумчиво повторил Дэвид.

Он опустил кружку и посмотрел на темную жидкость и нахмурился. Взгляд его серых глаз внезапно изменился. Немного, совсем чуть-чуть, но этого хватило чтобы сердце Сэм пропустило нормальный удар и сорвалось в бешеный ритм.

Догадался?

Она произвольно переступила с ноги на ногу, борясь с диким порывом вырвать кружку из его пальцев и сбегать.

В голове непрошеной вспышкой промелькнули события вчерашнего вечера. Тяжелая, приоткрытая дверь в библиотеку бабушки...голоса, что привлекли ее внимание. По-видимому Дэвид привез плохие новости, раз даже не зашел к ней, а сразу направился к ее бабке. О чем они говорят? Сэм осторожно сделала несколько шагов. Подслушивать нехоро-

шо, но ей так хотелось узнать, зачем бабушка вызвала Дэвида.

Леди Рианна Амалия редко допускала оплошности, и теперь Сэм была уверена: бабка оставила приоткрытой дверь нарочно. Она точно знала, что внучка стоит в темном коридоре — сигнальный маячок в виде простой красной нитки уже два дня пульсировал на тонком запястье Саманты.

Она стояла там, затаив дыхание, надеясь услышать хоть какую-то информацию. Кристиан второй день метался в горячке в своей комнате, маленькую Шерил заперли на верхнем этаже, никого к ней не пуская. И только о Сэм все словно забыли.

А потом она услышала этот разговор. Сухие, властные указания бабушки. И негромкий, спокойный ответ Дэвида. Слышимость была идеальной. Он говорил о Сэм так, словно она была проблемой. Грузом. Обузой, которую нужно правильно «распределить», пока он заберет Шерил в столицу.

В груди тогда взорвался огненный шар. Сэм не помнила, как распахнула дверь, как ворвалась в кабинет. В памяти остались обрывки безобразной, истеричной сцены, которую она устроила. Но хуже всего был не ее срыв. Хуже всего была реакция Дэвида.

Он не стал оправдываться. Он не обнял ее. Он смотрел на нее с высоты своего возраста и положения и говорил этим невыносимо ровным, снисходительным тоном.

«Успокойся, Саманта. Ты вроде достаточно взрослая, что-

бы понимать суть таких решений. Это мой долг перед Орде-
ном, как и твой перед родом. Детство закончилось».

Он разговаривал с ней как с глупым, капризным ребен-
ком. Растоптал её гордость, обесценил её чувства.

И она сорвалась...

Остаток вечера и ночь Сэм помнила, как в лихорадочном
бреду. Стыд и уязвленное самолюбие плохие советчики, но
тогда идея использовать это зелье ей показалась самой пра-
вильной. Дура. Как есть, дура. Если он сейчас поймет, плохо
будет всем. И она опять окажется в положении ребенка, не
контролирующего себя!

Мягкий голос Дэвида выдернул ее из воспоминаний.

– Я тебе говорил сегодня, что люблю тебя?

Он протянул руку и кончиками пальцев медленно провел
по ее щеке. Прикосновение обожгло, вызывая легкое голово-
кружение и желание прижаться, спросить... О чем? Что она
неправильно все поняла? Он имел в виду не то, что сказал?!

-- Я тоже тебя люблю.

Она почти ненавидела себя за этот дрожащий голос.

Она ждала, что он спросит про вчерашнее. Про крик, про
разбитые стекла в кабинете, про её позорное бегство...

-- Сэм? Ты ничего не хочешь сказать? Я же вижу, тебя
что-то мучает. Если то, что ты вчера потеряла контроль, это
решаемо, а я не сильно и пострадал. Бывало и хуже, -- он
чуть криво усмехнулся, но эта улыбка не дошла до его глаз.

И все? Это все, что его волнует?

Старательно растягивая губы в улыбке, она попыталась выглядеть непринужденно. Повисла тяжелая, густая пауза.

Дэвид еще несколько мгновений не отрывал от нее взгляда, а затем его пальцы соскользнули с ее щеки. Он опустил взгляд на кружку, разглядывая жидкость так, будто видел на дне не осадок трав, а разгадку какой-то сложной шахматной партии.

Сэм завела руки за спину, сцепив пальцы в замок.

В висках стучало: «Пей. Ну же, пей, и всё закончится».

И он выпил.

Медленно, не отрывая от неё взгляда. Кадык дёрнулся раз, другой, третий — размеренно, как метроном. С каждым глотком Сэм чувствовала, как к горлу подкатывает ком желчи.

Что я делаю? Боги, что я делаю?

Кружка глухо стукнула о столешницу. Дэвид вытер губы тыльной стороной ладони — жест подчёркнуто спокойный, слишком обыденный для момента, когда рушится мир.

Совершенно непривычный для него.

Сэм впилась взглядом в его глаза. Сейчас. Сейчас вспыхнет синее кольцо подчинения вокруг коричневых зрачков, и она станет его центром мира.

Преданный и любящий. Послушный.

Секунда. Две. Три.

Ничего.

Светлая радужка. Холодный, какой-то незнакомый

взгляд. Так он никогда не смотрел на нее.

Сэм перестала дышать. В ушах зашумело.

Он нейтрализовал зелье? У него стоял блок?

Но фолиант гласил, что противоядия нет, если выпито всё до дна. А он выпил.

Дэвид молчал. Он смотрел не на неё — сквозь. Так смотрят на картину в музее, которая внезапно утратила ценность и стала просто холстом, заляпанным краской.

– Там был асфодель, – произнёс он бесцветно. – И страстоцвет. Очень старый рецепт, Сэм. Ему лет триста.

Сэм попяtilась. Мысли метались загнанными крысами.

Если он знал, почему выпил?

Он поднялся. Стул скрипнул по половицам, разрушая тишину. Сэм не могла пошевелиться, приросла к полу, чувствуя, как ледяной холод сковывает лёгкие.

– Ты даже этого не знала, – в его голосе прорезалась усталость, смешанная с брезгливостью. – Ты просто взяла и сварила. Не задумываясь.

Она хотела закричать: «А что мне оставалось? Ты говорил, что я обуза!» — но горло сдавило спазмом. Слова застряли где-то в груди, царапая её изнутри.

– Зачем?! – спросила она срывающимся шёпотом. – Если ты понял, зачем ты это пил?!

Дэвид шагнул к ней. Близко, почти вплотную, так что она почувствовала запах кожи и оружейной стали, исходящий от его куртки.

Она запрокинула голову.

В его лице не было ни капли любви. В его серых глазах плеснулось нечто такое, от чего у Сэм перехватило дыхание. Это была не злость. Это было глубокое, оглушающее разочарование.

– Я выпил, Сэм, чтобы ты увидела последствия своего решения, – негромко проговорил он, нависая над ней. – Ты ждала, что магия превратит меня во влюблённого пса? А магии нет. И знаешь почему?

Он мягко, почти нежно подвинул к ней пустую кружку.

– Потому что приворот действует только на того, кто сомневается. На того, чьё сердце ещё не выбрало. А я любил тебя. Любил так, что твоё ведьмино варево просто сдохло, не найдя там ничего, за что можно зацепиться. Идиотский механизм, да?

Он замолчал. Сэм обессиленно сползла спиной по стене, закрывая рот ладонью. Из глаз брызнули злые отчаянные слезы.

Она все испортила.

– Ты хотела меня привязать? Так вот, – Дэвид взял пустую кружку, покрутил в пальцах и вдруг резко, с силой впечатал её в стену над головой Сэм. Керамические осколки брызнули дождём, осыпав её волосы и плечи. Она даже не шелохнулась.

– Ты сама всё сломала, Саманта – закончил он тихо, отряхивая ладони от белой пыли. – Без всяких зелий. Просто будь

ты проклята со своей истерикой.

Он развернулся и пошёл к выходу. Сэм сидела на полу, окружённая осколками кружки, и физически ощущала, как в груди, там, где по глупости считают есть душа, разрастается ледяная, мёртвая воронка.

Глава 2

Рик растворился в толпе почти сразу, даже не оглянувшись.

Первые полчаса он обычно только флиртовал и красовался, так что Саманта позволила себе выдохнуть и отошла к окну, подальше от гула голосов.

Такие рауты Сэм на дух не переносила.

Твой спутник бросает тебя у порога, и весь вечер ты изображаешь часть дорогого интерьера.

Но это если ты действительно гостя. А Сэм была на работе, и плевать она хотела на светский этикет. Зал небольшой, просматривается насквозь — случись что, она накроет подопечного глухим куполом в долю секунды.

Сегодняшний вечер был в формате «для своих».

Миллионные сделки под звон хрусталя и шелест карт. Коллекционное шампанское, крохотные канапе на один укус — но шедевр, не иначе! — и бесшумные лакеи тенями вдоль стен. Мужчины в смокингах, пахнущие властью и табаком, дамы в колье стоимостью в годовой бюджет приличного города. Классическая музыка обволакивала разговоры о политике.

Сценарий, отработанный десятилетиями, не менялся никогда.

Сэм небрежно потянулась, позволяя окружающим оце-

нить плоский живот в хитроумных разрезах супермодного — если верить клятвам консультантки из бутика, а та божилась, что сам Доминик Велье, — платья. Спину кольнуло несколько взглядов: от откровенно сальных до высокомерно-насмешливых. Всё как обычно. Идиотское платье работало лучше любой маскировки.

Саманта оглядела залу.

Рик нашелся у танцпола.

Мрачный взгляд пересекся с ее, и он, скривив губы в саркастичной усмешке, послал ей воздушный поцелуй.

Клоун.

Сэм мысленно поаплодировала Риджвельду-старшему. Надо же было умудриться загнать на этот унылый банкет строптивого лентяя. Но интриговало другое: зачем на абсолютно безопасной, закрытой вечеринке младшему отпрыску телохранитель?

Впрочем, она давно усвоила: меньше знаешь о мотивах Темного — крепче спишь. Аластар никогда не посвящал её в свои резоны, а она, зная его тяжелый характер, никогда не пыталась выяснять их сама. Ей платили за защиту — остальное было не её заботой.

Истина, проверенная на шкуре, которая всё ещё была целая.

Рик был ходячим клише. Наследник астрономического состояния, мажорный мальчик, бравировавший своим безразличием ко всему на свете. В отличие от пугающего отца,

Высшего Темного, которого опасались даже в Совете, Рик в семье оказался абсолютно «пустым». Ни дара, ни искры.

Позор рода, завернутый в дизайнерский костюм. Именно поэтому Сэм еще в самый первый раз решила сопровождать его под иллюзией. Инфантильная, взбалмошная девица с копной легкомысленных розовых волос до попы таскается за богатым мальчиком. Окружающим так было привычнее, спокойнее. Какая угроза может исходить от худосочной куклы? Очередная симпатичная пустышка, мечтающая выскокить замуж за миллионера. Никому из этих снобов и в голову бы не пришло, что «кукла» — Зеркало высшего уровня, чья защита способна выдержать прямой удар мага второго, а то и третьего ранга.

Плюс никакого риска что ее узнает кто-то, кто знал ее родителей и бабушку. Не то чтобы она чего-то опасалась. Просто на время закрыла эту страницу.

Сэм машинально коснулась кольца на пальце — артефакт-иллюзор был тёплым, заряд держался стабильно.

Что, с учетом специфики её дара, было критически важно. Зеркало вытягивало энергию из любого магического предмета. Контроль и еще раз контроли. Да.

Тихие, ядовитые смешки за спиной Сэм прекрасно слышала. «Вырядилась, как на панель», — донеслось до неё сквозь музыку. Что ж, замечательно.

Она нарочито медленно наклонилась, поправляя туфельку, бегло взглядом просканировала зал и мысленно фыркну-

ла.

Хотя бы раз, Рик. Всего один гребаный вечер.

Неужели ты можешь не вести себя как избалованный кретин?

Нет. Не мог.

Аларик уже находился в двух шагах от танцпола и с маниакальным упорством нарывался на неприятности.

Как подозревала Саманта, старшие Риджвельды и стали её постоянными, самыми щедрыми клиентами именно из-за патологического таланта их чада притягивать проблемы на пятую точку.

Для Сэм этот парень был ходячей мигренью, хотя щеки с нескромными нулями здорово смягчали головную боль. За машину оставалось платить всего год, а наследство леди Риканны она принципиально не трогала — это был вопрос независимости.

Спорить с матерью Рика, считавшей сына просто «запутавшимся мальчиком», Сэм не собиралась. Как и объяснять этой святой женщине, что весь эпатаж «бракованного» сына — лишь жалкий, отчаянный протест против идеальных родителей-магов, которые не смогли принять собственную кровь.

С лёгкой ироничной усмешкой Саманта наблюдала, как ладонь Рика слишком вольно скользнула по открытой спине его партнёрши по танцу. Девушка, сильная огневичка из рода Алира, славилась крутым нравом.

И точно — Рик вдруг резко дёрнулся, словно его ударило разрядом тока, и отдернул руки. Он оглянулся и Саманта отступила за колонну. Нет, парень, тут тебе защита не требуется. Не от нее.

Сэм уже собиралась отвернуться, мысленно посоветовав парню приложить лёд к обожжённым пальцам, как вдруг увидела это.

Тонкие, полупрозрачные нити.

Они кружили вокруг Рика, точно повторяя контуры его тела, плавно огибая разгневанную огневичку. Это походило на пепельную паутину. На живую дымку, которую подхватил невидимый сквозняк, существующий только в каком-то другом, потустороннем измерении. Никто в зале не обращал на неё внимания. Да и сама Саманта, если бы не специфика её дара, не заметила бы ровным счетом ничего.

Она мгновенно подобралась и перевела зрение в активный спектр. Магический фон зала переливался сотнями оттенков: искрили артефакты гостей, вспыхивала огоньками аура магов — где ярче, где слабее. Теплым белым светом горела идеальная охранная сеть особняка.

Защитные контуры дома не реагировали на эту паутину. Словно её не существовало в природе.

Вот же ж хрень.

«Всё непонятное — потенциально смертельно», — гласило первое правило Академии, выбитое в её подсознании.

Невидимое радужное марево защитного щита мгновенно

скользнуло по коже, готовое в любую секунду развернуться в купол.

— Ри-и-ики! — капризно, на одной звенящей ноте протянула Саманта, картинно поправляя сползающую лямку дурацкого платья, собранного, кажется, из лоскутов и честного слова модельера. — Коти-и-ик, ну ты где?

Она хотела для пущего эффекта хихикнуть, но, оценив обстановку, решила, что это будет перебор.

Дар Сэм молчал. Вот что напрягало больше всего. Зеркало не фиксировало ни направленной агрессии, ни магического воздействия. Звенящее, абсолютное ни-че-го. Это не магия в привычном понимании — и потому опасность ощущалась кожей. Паутина продолжала клубиться, неспешно перетекая и огибая гостей. Звонить Риджвельду? Или погодить? Связываться с Темным без крайней нужды — то еще удовольствие.

Нужно уводить пацана из толпы.

— Аларик, иди сюда! — уже жестче, теряя образ дурочки, позвала она, вкладывая в голос толику ментального нажима.

Этот засранец даже не обернулся. Его плечи вдруг странно передернуло, будто от холода, хотя в зале было тепло. Движения стали деревянными, неестественными, словно у марионетки, которой управлял неумелый кукловод.

Бросив свою даму прямо посреди зала — грубейшее нарушение светских правил, за которое огневичка имела полное право сжечь ему не только лицо, — Рик резко развернулся

и скрылся в анфиладе комнат.

Серьёзно?

Ты сейчас убегаешь в темный коридор, придурок?

«Точно попрошу у старшего Риджвельда надбавку за вредность. И включу туда стоимость испорченных нервов и этого проклятого платья», — зло скрипнув зубами, Саманта ринулась следом, ловко лавируя между гостями.

Её каблуки выбивали дробь по паркету, и сейчас ей было плевать, как это выглядит со стороны.

Светлый шумный зал остался позади, отсеченный тяжелыми дверями. Здесь царил мягкий сумрак: длинный коридор проходных гостевых комнат освещался лишь скудными бра и бледным, мертвенным светом из высоких стрельчатых окон. Сэм никогда не понимала этой архитектурной блажи — зачем нужен этот бесконечный лабиринт дверей, ведущих в никуда?

Рик шёл быстро, почти бежал.

Не оборачивался, но голова то и дело дёргалась в сторону, словно он следил за чем-то невидимым — каким-то призрачным поводом, которого не существовало в её реальности.

Иногда он на долю секунды замирал, вглядываясь в пустую стену, будто видел там проход или поворот, и снова срывался с места. Пепельная паутина теперь не просто висела вокруг него, она плясала, плескалась по стенам и потолку, растягиваясь в уродливые, ломаные тени.

Но угрозы — чёткой, направленной агрессии, на которую мог бы среагировать её дар, — по-прежнему не было. Только эта мерзкая, чужеродная неправильность, от которой зудело где-то под ложечкой.

Шпильки безбожно тормозили, но скинуть туфли и бежать босиком Сэм морально готова не была. К тому же паутина, казалось, начала истончаться. Может, просто остаточный морок? Кто-то из гостей решил неудачно пошутить с новым приобретением из запрещенной коллекции?

Вдруг Аларик резко затормозил. Его мотнуло в сторону, словно пьяного. С неожиданной, отчаянной грацией, какой она от него никак не ожидала, он перемахнул через низкий диван, стоявший прямо по центру гостиной, и сдавленно выругался, вываливаясь в следующий коридор.

Да куда ж ты ломишься, придурок...

Мысленно обложив подопечного такими конструкциями, от которых у приличных леди завяли бы уши, Сэм обогнула диван — прыгать, сверкая разрезами, она не собиралась — и выскочила на яркий свет очередного холла. С размаху влетела Рику в спину, больно ударившись плечом о твердую, как дерево, лопатку.

Саманта схватила его за рукав дорогого пиджака — кажется, костюм был безнадежно испорчен, и плевать — рывком развернула к себе.

— Ты что творишь, придурок?! — рявкнула она, полностью сбросив маску. — Какого хрена я должна носиться за

тобой по всему дому?

Она осеклась.

Рик смотрел на нее, но... не видел. Его взгляд был расфокусированным, блуждающим, зрачки расширились так, что почти поглотили радужку, оставив лишь тонкий ободок. На лбу блестела холодная испарина. Лицо, обычно выражавшее скучающее превосходство, сейчас исказила гримаса детской, беспомощной растерянности.

Он даже не моргнул, когда Сэм пощелкала пальцами у него перед носом.

— И побегаешь... тебе за это деньги платят, — его голос дрожал, но он всё ещё пытался по привычке огрызаться.

Выходило жалко.

— Мне платят за твою охрану, — чётко, как для умственно отсталого, произнесла она, стараясь говорить ровно, — а не за то, чтобы я ловила тебя по всему дому. Рик, посмотри на меня.

Его веки дрогнули, но взгляд так и не сфокусировался.

— Ой, да брось. От чего тут охранять? — он нервно сглотнул. Его глаза скользили по стенам, ни на чём не задерживаясь. — Кому я вообще сдался? Пустышка... Ну вот, опять я несу какую-то чушь, прости, — добавил он почти шёпотом, будто сам удивился, что вообще произнёс это вслух.

— Не скажи... — Сэм нахмурилась. — А это тогда, потвоему, что?

Саманта вытянула руку и осторожно, кончиками пальцев,

коснулась тонкой, пепельной нити, которая уже истончалась в легкую дымку.

Огневичку эта дрянь огибала, а вот пальцы Сэм прошли сквозь дымку легко, словно сквозь морок. Вот только ощущения были совсем не иллюзорными.

Кожу мгновенно стянуло от ледяного, покалывающего холода, который иглами просочился под ногти, впился в нервные окончания. Она невольно дёрнула рукой назад, с трудом подавив желание стряхнуть с пальцев эту мерзость.

Рик медленно, как заведенная кукла, проследил за её рукой.

— Где? — глухо спросил он. В голосе не осталось и следа прежней насмешки.

— Ты вообще видишь, что происходит вокруг тебя?

— Нет, — он выдохнул это почти шёпотом. — Из нас двоих маг ты, Сэм. — Уголок его рта дернулся в горькой, болезненной усмешке. — Я же бракованный сын великого Аластара Риджвельда. Что, наконец-то и для тебя нашлась настоящая работа по защите убогих? Ну прости, что испортил тебе вечер. Можешь записать в счёт.

Саманта стиснула зубы. Встряхнуть бы его как следует, но это не поможет.

Вместо этого она глубоко вдохнула и произнесла спокойным тоном:

— Не ной. Что ты физически чувствуешь? Отвечай чётко, без этих твоих театральных пауз. Голова? Зрение?

Она ожесточенно потеряла кончики пальцев. Их кололо, словно после долгого пребывания в ледяной воде. Ощущение неправильности усиливалось, холод из пальцев перетек глубже, сворачиваясь в груди тугим, вязким узлом. Словно ее дар пытался переварить что-то принципиально чуждое и отторгал это, как организм отторгает яд.

Вопросы про его странный забег по коридору она решила отложить на потом. Ситуация стремительно выходила из-под контроля.

Рик поколебался. Машинально мазнул взглядом по её плечам, с которых вновь сползла тонкая бретелька платья и закрыл глаза.

— Голова кружится. Но... неправильно. Словно всё вокруг наслаивается друг на друга. Не могу сфокусироваться.

— В глазах двоится? — быстро уточнила она, лихорадочно перебирая в уме симптомы ментальных проклятий и известных ей ядов.

— Нет, как будто наслаивается. Это как... Этих коридоров... их два. И они немного отличаются... не могу объяснить. Один нормальный, а второй... серый. Мертвый вроде... дрожит. — Он открыл глаза, и его взгляд вдруг стал болезненно-ясным, сфокусированным прямо на ней. — А ты — нет. Ты одна. Я имею в виду, ты не двоишься. Только волосы у тебя... они черные, Сэм. Настоящие. Черные, а не розовые. — Он криво, истерично улыбнулся, будто пытался вернуть привычную насмешливую интонацию, но вышло

лишь беспомощно. — Смешно, правда?

Ага, обхохочешься.

До колик.

Он видел сквозь её поддерживаемую сложными артефактами иллюзию. О том, что у неё от природы тёмные волосы, Рик не знал. Не должен был знать. И вряд ли он уточнял такую чушь у отца — Аластар Риджвельд не тот человек, который обсуждает цвет волос своих наёмников.

Магии в парне нет, дотошный папаша, насколько Сэм знала, десять лет пытался найти в сыне хоть искру дара, но безрезультатно. Так откуда это сейчас? При том, что магии она в нём по-прежнему не видела — ни проблеска, ни искры.

И главное, что теперь делать? Её дар — отражать атаки, работать как щит, а не лечить галлюцинации и изгонять непонятную хрень, которую она даже классифицировать не могла. Не её профиль.

Саманта осторожно, словно к раненому зверю, коснулась плеча Рика.

— Сейчас я попробую тебя закрыть, просто стой спокойно, — тихо проговорила она, стараясь не обращать внимания на то, что кончики её собственных пальцев уже потеряли чувствительность от странного холода.

Рик шумно, с облегчением выдохнул и вдруг всем весом осел, словно из него вытащили стержень. Если бы Саманта не упёрлась в него, они бы оба повалились на пол.

— Всё прошло, — прошептал он, закрывая глаза.

Да? И с чего бы? Паутина по-прежнему плясала между ними.

Сэм попыталась убрать руку, но Рик перехватил её запястье. Пальцы у него были ледяными, как у покойника.

— Нет! Умоляю, просто стой так, — в его голосе послышалась паника утопающего, вцепившегося в единственную соломинку.

Ага, отличный план. Просто стоять и ждать, пока неизвестная магия сожрёт их обоих.

Холод внутри усиливался, мешая сосредоточиться. Он давил на виски, сворачивался в груди тяжёлой, вязкой лавой, и Сэм вдруг с пугающей ясностью поняла: это не её чувства. Что-то чужеродное, ядовитое раздражение поднималось изнутри — не её собственное, наведённое, притупляя выдержку и обостряя голую, примитивную ярость.

Хотелось крушить, кричать, вцепиться кому-нибудь в глотку.

— Так и пустим здесь корни? — процедила она, чувствуя, как этот чужой гнев перехватывает горло. — Отпусти руку, быстро!

Рик даже не заметил.

— Давай просто найдём пустую комнату и закроемся изнутри, пока приём не закончится. — он дёрнул её за руку с такой силой, что боль прострелила до локтя, и потащил за собой по коридору. — Прижмёмся друг к другу... вдруг эта серая хрень отступит.

— Или пока кто-нибудь не застукает нас! — саркастично выплюнула Сэм, вынужденная семенить за ним на проклятых шпильках. — Утром в «Светской хронике» выйдет заголовок: «Отпрыск Риджвельдов зажимает новую девицу в шкафу». Спасибо, мне такой пиар не нужен!

Да что ж такое-то. Похоже, эта серая муть влияет на мозги — ничем другим его поведение она объяснить не могла.

Несмотря на свой возраст, парень был намного сильнее Сэм и легко тащил её по коридору, дёргая ручки дверей. Сэм пришлось ускорить шаг, чтобы не упасть.

Шпильки предательски скользили по паркету.

Стоп. «Серая хрень»? Он видит паутину?

— Плевать я хотел на газеты! Тебе что, правда не всё равно? — бросил Рик через плечо.

— Тебе, может, и плевать на репутацию, а я девушка занятая! — злобно прошипела она, дёрнувшись из его хватки. — У меня, между прочим, на завтра планы были! И работа! И ещё кое-какие дела, не касающиеся твоей безумной семьи!

— И какие же? — Рик даже не обернулся, продолжая тащить её за собой по коридору. В его голосе послышалось что-то похожее на истеричное веселье.

И тут её накрыло. Новая волна душного, неконтролируемого бешенства — чужеродного, она это ясно различала, но оттого не менее разрушительного. Холод в груди превратился в студёный огонь, сжигающий остатки самоконтроля.

— Планы?! — прорычала Сэм, уже не контролируя себя.
— Прибить тебя! А потом соседского кота!

— Чего? — Рик наконец остановился, обернувшись с совершенно ошарашенным видом. Даже хватка на секунду ослабла. — Кота-то за что?

— Чтобы не гадили где попало и не трепали мне нервы!
— рывкнула Сэм и изо всех сил, ногами упёршись в пол, рванула свою руку на себя.

Бесполезно. Рик держал намертво. Больше того, он неожиданно шагнул к ней и обнял, почти наваливаясь всем телом, загораживая свет и пространство.

Саманта слышала, как бешено, заполошно колотится его сердце — этот ритм тяжёлым, болезненным набатом отдавался в её собственной голове. Он не обнимал её, он вцепился в неё, как в единственный якорь в расходящейся по швам реальности.

Зараза. Её коммуникатор остался в клатче в зале

— Звони отцу, — процедила она сквозь стиснутые зубы.
— Немедленно.

Рик покачал головой — она не видела, просто ощутила движение щекой по своим волосам.

— Рик, звони, пожалуйста. Я не смогу помочь. Я просто не понимаю, что это за дрянь. Это не мой профиль. Ты слышишь? Я — щит, а не экзорцист!

Рик что-то невнятно пробормотал ей в шею и покорно, не отпуская её ни на миллиметр, полез свободной рукой в

карман брюк.

— Только... — он запнулся, и в его голосе прорезалась такая детская, беззащитная обречённость, что у Сэм защемило сердце, — только он не ответит. Он никогда не отвечает, когда я звоню.

В эту секунду тишину коридора разорвал визгливый, пьяный смех.

— О-о, Рикки! Решил уединиться? Лови, брат, тебе пригодится!

Сэм краем глаза уловила движение. Кто-то из весёлой компании, вывалившейся из соседнего зала, со смехом метнул в них мелкий тёмный предмет.

Она даже не успела понять, что это. Рефлексы сработали быстрее сознания.

Её защитный купол мгновенно развернулся прозрачной сферой, отсекая их с Риком от остального мира.

Рик зачем-то ещё сильнее прижал её к себе, намертво блокируя руки и обзор. Из-за его плеча Саманта увидела, как брошенный идиотом предмет — квадратный артефакт-полог — срикошетил от её щита и отлетел к стене, жалобно звякнув.

И в ту же секунду пепельная паутина, которая до этого просто клубилась вокруг Рика, вдруг взбесилась.

Оказавшись запертой внутри зеркального щита, она вспыхнула, мгновенно обретя чёткость. Угольно-чёрные нити, отразившись от внутренней поверхности купола, метну-

лись к Сэм, оплетая и впиваясь под кожу. Может, на самом деле это было и не так, но по ощущениям — тысяча ледяных игл, разом прошивших тело.

Саманта и Рик застонали одновременно — один низкий, сдавленный звук на двоих.

Где-то на периферии взвыла охранный сигналка особняка, но Сэм было уже не до этого.

На один чудовищный, растянувшийся в вечность миг Саманта увидела мир глазами Рика. Коридор, который выглядел так, словно на него наложили его же собственное уродливое отражение — серое, дрожащее, подёрнутое рябью. Застывшего в ужасе придурка в нескольких шагах — его аура полыхала огнём и животным страхом. И что-то ещё — тёмное, огромное, что смотрело на них из той, серой реальности.

Волна прокатилась по куполу изнутри наружу. Паутина, неожиданно приобретая объем и силу, сорвалась, скрутилась в тугую жгут и ударила. Её собственный дар вдруг взревел, рефлекторно отражая невидимый удар черной паутины. Зеркало сработало так, как его никогда не учили — оно не просто отразило, оно вобрало, в себя все что беззвучно бесновалось внутри купола Сэм.

Боль была белая.

Последнее, что Сэм почувствовала, — как ноги подкосились и паркет ударил в колени

Тело приняло на себя всю отдачу, дикую, нечеловеческую боль — и сознание погасло прежде, чем она успела понять,

что именно произошло. Последним, что она услышала, был крик Рика — полный ужаса и ярости.

И тишина.

Глава 3

– Сэм, хватит дрыхнуть.

Голос Кристиана был до отвращения бодрым.

— Сэм, я знаю, что ты не спишь. Когда ты по-настоящему спишь, ты храпишь. А сейчас ты просто изображаешь тушку. Подъём.

Ага, сейчас. Прямо вот сию секунду.

Сэм даже не шевельнулась.

Глаза открывались с трудом, словно под веки песка насыпали.

Сквозь ресницы она разглядела, что солнце уже убралось из комнаты, спрятавшись за угол дома. Значит, день не просто перевалил за середину, он плавно катился к вечеру. Саманта с хрустом, до сладкой ломоты в позвонках, потянулась и зевнула. Сколько же она проспала? Судя по ощущениям, вечность. И всё равно мало.

Она выпростала руки из-под одеяла, чувствуя, как ноет каждая мышца. Вчерашнее общение с главой службы безопасности мэрии - или это были люди Риджвельда? - выжало её до дна.

Милейшие люди.

Особенно тот, с артефактом подавления воли. Допрос шел несколько часов. Сэм уже не помнила, когда именно её «зеркало» перестало отражать ментальные атаки, превратившись

в тусклое, дрожащее марево, готовое лопнуть от натуги.

Главное, что ни одна сволочь не приплела к этому делу полицию с журналистами. Уже хлеб, честное слово.

Кристиан не унимался, взывая к совести. Напрасно, между прочим.

Совесть Саманты спала где-то глубоко внутри — крепко и совершенно безмятежно. В отличие от неё самой.

– Сэм, я уматываю, – он выдержал паузу, видимо, ожидая хоть какого-то мычания, и, не дождавшись, резюмировал: – Дверь захлопну, ты ж всё равно забудешь. И глянь почту, тебе что-то пришло.

В подтверждение его слов комп в гостиной сухо тренькнул.

Она могла вкалывать ночь напролёт, пока глаза не начнут слезиться от усталости, но поднять её с утра было задачей непосильной. Сам Крис, казалось, высыпался за пару-тройку часов, после чего мог снова изображать из себя образец бешеной активности.

– Сэм, я в курсе, что ты не спишь. Выползай давай.

Когда он в таком настроении, он не отстанет. Придется вставать.

Компьютер снова тренькнул, настойчивее, требуя к себе внимания. Саманта утробно вздохнула, признавая поражение.

Повздыхав для порядка, Сэм натянула халат, проигнорировав старые джинсы, которые обычно носила дома. И халат,

и джинсы были заслуженными ветеранами, отправленными на пенсию, но халат был тёплым и мягким, пах домом и покоем — и от этого моментально, опять захотелось спать.

Да что ж такое-то! Она заставила себя подняться.

Нужен чай. Очень сладкий и горячий.

Обычно Сэм предпочитала кофе, но сегодня можно было плюнуть на правила. Тем более, Кристиан вчера притащил ванильные сухари с маком.

Это она помнила отчётливо.

Ночью, после выматывающего допроса, когда Крис при-
волол её домой, было не до сухарей. Она тогда висела на
стеллажах, словно разъярённая гарпия, лихорадочно пере-
листывая пожелтевшие страницы фолиантов, привезенных
когда-то из родительского дома. Книги летели на пол с глу-
хим стуком и возмущенным скрипом кожи переплетов, буд-
то жалуясь на неподобающее обращение. Тогда ей было пле-
вать. Ни уговоры Кристиана, ни бабушкины заветы про то,
что «книги любят тишину и уважение», не работали.

Злость и колющее раздражение требовали немедленного
выхода. Инфа о той странной черной паутине, могла быть
только там! Но её там не было. Ни слова, ни намек.

Сдавшись, она позволила Крису молча отобрать у неё по-
следний фолиант и утащить на кухню. Там, под мерный шум
закипающего чайника, они пили чай, и она, запинаясь, вы-
кладывала ему всё, что случилось в особняке — в подробно-
стях, до самой последней мерзкой детали. Спать разошлись,

только когда небо начало сереть, а шум просыпающегося города стал отчётливей и ближе.

Сэм снова вздохнула и вышла в гостиную. С кухни донеслось веселое посвистывание чайника, и тут же ему аккомпанементом загрохотали чашки — Кристиан гремел посудой, как она и предполагала, решил таки ее дожидаться.

— Ты опять на всю ночь? — чуть поразмыслив, она решила на кухню не ходить. Чай Крис и сюда принесёт.

За столько лет дружбы они изучили привычки друг друга досконально: он знал, что она ненавидит ждать, а она — что он вечно забывает закрыть дверцы шкафчиков.

— Точно не знаю, — отозвался Крис из кухни. — Надеюсь, что нет. Один тип скоропостижно почил, а завещание оставить не удосужился. Теперь родственники вместе с адвокатом жаждут задать ему пару дружеских вопросов. В моём присутствии.

Крис появился в дверном проёме с подносом в руках. На губах играла его фирменная ухмылка — та самая, от которой у клиентов появлялось смутное желание проверить сохранность кошелька. Он протянул ей чашку.

Ночные бдения, как всегда, ничуть на нём не отразились. Ни тени усталости, ни малейшей небрежности: чёрные волосы собраны в безупречный хвост, ни одна прядь не выбивается.

Вот умеет же.

На себя Саманта боялась даже в зеркало смотреть. Подо-

зревала, что под глазами залегли тени, а волосы торчат так, будто она получила удар током.

— В общем, как обычно, — кивнула она.

Крис трудился в крупной частной конторе. Ну, как трудился... делал вид. На самом деле он виртуозно разрешал споры с завещаниями, проклятиями и прочей хтонью, которую обычные люди предпочитают не замечать до последнего. И да, иногда помогал полиции. Не безвозмездно, разумеется.

Проигнорировав блюдо — их личная война, сколько ни говори, Крис всё равно ставил чашку на блюдо, исключительно из вредности, — Сэм плюхнулась с чашкой за стол. Халат немедленно предательски распахнулся, являя миру колени в синяках — напоминание о ночных ползаниях в библиотеке. Сэм крутанулась в кресле и задвинула ноги под стол.

— Ты опять перекрасился в чёрный? — спросила она, чтобы хоть как-то зацепить его самодовольство.

— Сказала девушка с розовыми патлами, — немедленно прилетело в ответ.

Точно. Амулет. Ночью из головы вылетело напрочь.

— Так лучше? — Она сняла кольцо с тонким ободком и прозрачным камнем. В то же мгновение розовый цвет волос поблёк, истончился, проступила привычная, тёмная глубина её настоящего оттенка.

— Привычнее, — он забрал у неё артефакт и лёгким, небрежным движением зашвырнул на верхнюю полку, к про-

чему хламу. — Никогда не понимал, зачем тебе это нужно. Рику плевать, какого цвета у тебя волосы.

— Мне показалось это забавным, — Сэм накрутила на палец теперь уже тёмный локон. — Иногда бывает тоскливо, а тут надеваешь маску и ведёшь себя как вздумается. Знаешь, смазливый дурочкам многое прощают в приличном обществе. — Она прищурилась и скроила капризную гримаску. — Не то, что эти проти-и-ивные тёмные маги с их гадскими, скучными причёсками.

Кристиан машинально пригладил идеально уложенные в хвост чёрные волосы.

— Зато я произвожу сильное впечатление, и клиенты отстёгивают больше денег. И да, — он подмигнул её отражению в тёмном стекле выключенного монитора, — я хорош. Не надо комплиментов, я и так в курсе.

Сэм скептически оглядела его, но комментировать не стала.

Крис знал, что на самом деле светлые волосы нравились ей куда больше. И не просто так: белые, будто выбеленные Истинной Мглой, они служили лучшей рекомендацией для потенциальных клиентов. Своего рода знак качества. «Истинный некромант, отмеченный мглой» — это звучало весомо, это заставляло сомневающихся выкладывать деньги на стол без лишних споров.

Сэм была права. Она почти всегда была права, и это раздражало сильнее, чем он готов был признать даже самому

себе.

Крис поймал своё отражение в тёмном стекле монитора и тут же отвёл взгляд.

Проблема заключалась в том, что свои белые волосы Крис не любил. От слова «совсем». Почти восемь лет миновало, а он так и не привык.

Возле родительского дома росла старая яблоня. Огромная, с шершавым, изрезанным глубокими трещинами стволом и тяжёлой тёмной кроной. Посадил её ещё дед, он же научил маленького Криса ухаживать за ней: замазывать раны садовым варом, белить ствол по весне, слушать, как гудит в листве ветер.

Каждую осень они с мамой собирали урожай — тёмно-бордовые, с янтарными золотистыми прожилками яблоки. На солнце они будто светились изнутри, наливались тёплым, живым сиянием. Совсем как мамины волосы.

Отец, смеясь, называл её «рыжик мой», запуская пятерню в эти вечно выбивающиеся из причёски пряди. А маленький Кристиан в глубине души отчаянно гордился, что у него такие же волосы, как у мамы.

Глупость, конечно. Сентиментальная дурь.

Но что поделать — иногда хотелось просто увидеть в зеркале не некроманта, отмеченного мглой, а того пацана, который трескал незрелые яблоки и плевал косточками через забор.

В тот вечер, в той проклятой пещере восемь лет назад,

он заплатил цену. За свою жизнь и за жизни двух девчонок, которые ему поверили. Каждый из них тогда что-то оставил в темноте. Он не жалел об этом ни секунды. Быть истинным некромантом ему, в общем-то, нравилось.

В этом чувствовалась сила и, чего уж греха таить, неплохая прибыль. Вот только пожертвовать ради этого пришлось многим. Кусочек прошлого — вот что у него забрали. И вроде волосы не самая болезненная плата из возможных, но всё равно саднит. Как крохотная заноза под кожей, которую не вытащить.

Ладно. Ерунда всё это.

Пройдёт день-два, и краска смывается. Ничто — ни краска, ни самая хитрая иллюзия — не держалось на нём дольше трёх суток. Магия истинной мглы разъедала всё чужеродное, как кислота.

Спроси его кто, он и сам бы не ответил, зачем раз за разом пытался изменить цвет. По привычке? Из глупого упрямства?

Сэм, кажется, понимала это без слов — и именно поэтому никогда не спрашивала. Просто насмешливо фыркала или, как сейчас, небрежно сообщала, что заметила его очередную провальную попытку.

За это он был ей благодарен.

— Сэм, — Крис замялся, подбирая слова, — я хотел уточнить насчёт вчерашнего...

— Всё в порядке! — поспешно перебила его Саманта и сде-

лала большой глоток из кружки.

Горячая жидкость моментально ошпарила нёбо и язык так, что из глаз брызнули слезы. Она дернулась, резко отставила кружку — и коричневая волна тут же выплеснулась на стол, заливая разбросанные бумаги.

— Отлично. Просто супер. Теперь документы перепечатывать, — прошипела Сэм, яростно терзая салфетками мокрые листы.

Крис молча наблюдал за её суетой.

— Точно в порядке? — он смотрел внимательно, чуть склонив голову набок.

Сэм кивнула и попыталась изобразить беззаботную улыбку. Вышло, прямо скажем, так себе: нёбо и язык горели, будто она глотнула лавы, а глаза заслезились.

Кристиан только покачал головой.

— Не похоже, — сказал он неожиданно мягко. Решил не давить и перевел тему. — Ты сегодня работаешь?

— Нет, — Сэм повела плечами, стараясь, чтобы это выглядело безразлично. — Завтра. Скорее всего, вечером.

Этот заказ тревожил её куда сильнее, чем она готова была показать.

— Ладно. — он покачался на пятках и тряхнул головой, — Всё, я погнал, уже опаздываю. Как будет время, наберу. И если что ты сразу звони. Без раздумий, поняла?

Он хлопнул её по плечу — коротко, ободряюще — и двинулся к выходу, на ходу застегивая куртку. У порога на секун-

ду обернулся, прищурился. Взгляд стал острым, почти тревожным.

– Да, и если вдруг что почувствуешь или надумаешь снова в обморок грохнуться тоже звони. Сначала звонок, потом падай. Не перепутай.

Сэм невольно улыбнулась. Получилось почти искренне.

– Буду иметь в виду.

– Вот и ладушки, – Крис расплылся в своей фирменной улыбке, и из-под всей его тёмной крутизны снова проглянул тот самый рыжий пацан, который когда-то плевался косточками через забор. – Держись, Муха. И помни: если что — я примчусь так быстро, что ветер в ушах засвистит.

Он махнул рукой и вышел, громко хлопнув дверью.

В комнате повисла тишина — такая густая, что стало слышно, как тикают старые часы на стене. Сэм глубоко вздохнула, провела ладонью по лицу, прогоняя остатки сна и глупой, неуместной тревоги, вытерла последние капли чая со стола и склонилась над разбросанными бумагами.

Ну-с, что у нас тут новенького?

Новости пришли разные.

Банковский счёт приятно увеличился на круглую сумму. На очень круглую.

Саманта на всякий случай пересчитала нули дважды. Эта сумма была куда больше той, что значилась в договоре, и куда больше того, что она вообще ожидала увидеть. Сопроводительное письмо, сухое и лаконичное, внесло некоторую

ясность: «Убедительная просьба не распространяться о событиях вчерашнего дня».

Сэм хмыкнула. Вообще-то в договоре и так имелся пункт о неразглашении, а она, как бы ни повернулась жизнь, всегда выполняла условия договора. Это было её профессиональное кредо.

Но против дополнительной благодарности в денежном эквиваленте она решительно ничего не имела против. Молчание — товар штучный. И, как выяснилось, хорошо оплачиваемый.

Саманта отодвинула стопку бумаг с коричневыми следами чая и щёлкнула мышкой, закрывая почту.

Она забралась в кресло с ногами и ткнулась подбородком в колени.

Что же всё-таки вчера произошло? Судя по обрывочным разговорам, отключилась она всего на несколько минут. А когда очнулась — ей бесцеремонно сунули под нос какую-то остро пахнущую гадость, — мир вокруг вернулся к обычному состоянию. Никакой паутины. Никакого наслоения реальностей. Даже голова не болела, что уже само по себе подозрительно.

Часа два, не меньше, очень вежливые люди из охраны отца Рика раз за разом задавали одни и те же вопросы, меняли очередность и формулировки, будто надеялись поймать её на несостыковке. Потом, видимо убедившись, что она ничего не знает, отпустили. О паутине Саманта молчала, спи-

сав всё на чью-то злую шутку с иллюзиями, вышло вполне достоверно.

За всё это время ей не дали даже стакана воды. Вопросы о состоянии Рика игнорировали — как и её просьбы позволить.

Криса она набрала прямо с крыльца. Услышав её голос, он примчался без вопросов, даром что стояла глубокая ночь. За одно это Саманта готова была простить ему все незакрытые шкафчики до конца жизни.

Сэм потёрла виски и покосилась на спальню. Спать хотелось нещадно.

И самое поганое — они с Крисом так и не разобрались, что именно вчера произошло.

По её ощущениям, тёмная паутина отразилась от защитного купола и растворилась. Сэм подозревала, что она затаилась где-то внутри, но никаких следов или изменений в себе не чувствовала. Крис тоже пытался — однако следов тёмной магии не нашёл. А видеть энергию во всей её полноте могли только маги отражений. Зеркала.

Такие, как она.

Их так и называли — Зеркалами. Дар редкий, но, прямо скажем, своеобразный. И с кучей «приятных» бонусов вроде постоянного, чуть ли не ежедневного контроля со стороны Ордена. Тотальная любовь и забота, мать её.

Всё потому, что в прошлом носители этого дара знатно набедокурили: устроили переворот, уничтожили императора

вместе с семьёй, а заодно угробили столько народу, что до сих пор никто толком не берётся подсчитывать потери. Маг отражений, слетевший с катушек, — это страшно.

В конце концов Ордену и уцелевшим гвардейцам удалось навести порядок. Правда, какой ценой — история предпочитает умалчивать. В учебниках этой эпохе посвящено на удивление мало внятных объяснений. Зато именно тогда Орден укрепил свои позиции, превратившись в главную силу, призванную сдерживать магов отражений и тех тёмных, кто встал на сторону Зеркал.

Последние лет сто, правда, отношение к ним немного потеплело. Но Сэм подозревала, что дело тут вовсе не в гуманизме, а в банальной статистике. Сильных Зеркал практически уничтожили, а те, кто остался... каждый был под жёстким контролем Ордена.

Слабые Зеркала — чего уж там — даже приносили империи пользу.

Но стоило уехать куда-нибудь в глубинку, подальше от столичного лоска, и вполне можно было нарваться на нелюбезный приём. А то и на вилы.

Магов смерти, тех же некромантов, и то опасались меньше.

Парадокс.

И всё из-за стойкого убеждения, что любой маг-Зеркало однажды может потерять контроль над даром. Или, того хуже, устроить прорыв на Изнанку.

То, что всё это не совсем правда и за последние лет двести не зафиксировали ни одного подобного случая, никого не смущало. Мифы вообще живучие твари. А Орден со своими драконовскими правилами исправно подливал масла в огонь народной неприязни.

Хотя, положив руку на сердце, в Ордене-то точно знали, на что способен даже маг отражений пятого уровня. Что уж говорить о первом. Знали — и потому контролировали Зеркал ещё жёстче.

С другой стороны, даже Орден и император не могли не признать: для Империи Зеркала полезны. По сути, такой маг — идеальный защитник. У него нет собственной магии и магического ядра, зато он способен создавать защитный контур, отражающий направленные на него воздействия. И ментальные, и магические.

Может прикрыть человека. Или дом. Или целый город...

А ещё способен перехватывать направленную на него энергию или вытягивать её прикосновением — и использовать. Правда, недолго. Без магического ядра запастись чужую силу Зеркало не может: если не успеет пустить её в ход, энергия просто рассеется.

Всё, разумеется, зависит от уровня дара. И от контроля.

Как потомок одного из семи древнейших родов, Саманта в глазах Ордена обладала определённым потенциалом. Но к последнему году обучения в школе её официальные показатели едва-едва дотягивали до полноценного шестого уровня.

Интерес Ордена к её персоне несколько угас, хотя от обязательного обучения в Академии это, разумеется, не избавляло.

К Зеркалам Орден и без того относился предвзято, а к выходцам из родов, чьи предки знатно отметились в истории, и подавно. Справедливости ради было за что.

Не принадлежала бы сама Саманта к одному из таких родов, она, возможно, даже искренне поддерживала бы всю эту параноидальную деятельность. Сейчас же важность Ордена понимала, но без особого энтузиазма. Умом, а не сердцем.

Каждый случай проявления дара у ребёнка ставили на учёт. Уровень проверяли ежегодно — и так до пятнадцати лет. Исследования показали, что дар Зеркала, в отличие от способностей прочих магов, развивался только до этого возраста, а затем переставал расти. Такой вот защитный механизм природы. Не слишком щедрый.

Зеркало — идеальный щит от магических атак, но собственной магии у него нет. Так уж распорядилась природа.

Лишь немногие Зеркала с сильным потенциалом могли видеть потоки энергии и даже в какой-то мере взаимодействовать с ними. Таких было мало, и свои способности они предпочитали не афишировать. Ещё бы: никто не хотел оказаться под пристальным наблюдением Ордена, а тем более — попасть в один из закрытых монастырей с «правом служить на благо науки». Или безопасности Империи.

Формулировка варьировалась, суть — нет.

И вот умом Саманта понимала, что в какой-то мере такой порядок оправдан. Но, двуединый, как же бесил её этот тотальный надзор!

Сэм вздохнула и спрятала лицо в воротнике халата. Внутрь было тепло и уютно.

Орден считал, что дар Зеркала растёт только до пятнадцати лет. Официально — догма. Многократно подтверждённая исследованиями.

А то, что при определённых обстоятельствах дар может совершить скачок... Об этой маленькой, опасной тайне знали всего трое: Саманта, Крис и леди Рианна. Бабушка в своё время сделала всё, чтобы секрет остался внутри рода. Семейная тайна, за которую в иные времена могли сжечь целую династию.

Леди Рианна, уже год как покоившаяся в семейном склепе, была человеком, которого Сэм недолюбливала, но которому оставалась бесконечно благодарна. Именно бабушка сумела вывести внучку из-под удара Ордена.

Сэм поёжилась, вспомнив холодный, оценивающий взгляд старой леди. Рианна была... сложным человеком.

Некоторые её поступки Сэм не могла простить до сих пор. Но бабушка и к себе была столь же требовательна: интересы рода всегда стояли на первом месте.

Жаль, что последний представитель рода Мэддисонов оказался не совсем таким, каким его хотела видеть леди Рианна.

«Не последний», — мысленно поправила себя Сэм. Где-то там ещё была Шерил. Тоже, прямо скажем, не самый образцовый представитель рода.

Шестой уровень позволял после Академии построить карьеру в столице. Но от такой перспективы Сэм отказалась сразу — и с облегчением. Вернулась в свой небольшой провинциальный город, где каждая улочка была знакома с детства, а воздух пах не смогом, а старой листвой и речной водой.

Здесь она была сама себе хозяйка. А с официальным уровнем дара работа Зеркалу всегда найдётся — например, в качестве телохранителя. Наниматели знали о рисках, но страховая печать Ордена и надёжность защитного контура заставляли их смотреть на эти риски сквозь пальцы.

В обычной драке Сэм была не слишком полезна. Но её нанимали не для этого.

Поколебавшись, Сэм потянулась и всё-таки выудила из ящика стола маленькое зеркальце. Глянула.

Лицо как лицо: слегка опухшее после беспокойной ночи, тёмные пряди торчат в разные стороны. Красные глаза — от недосыпа и от того, что проревела полночи, уткнувшись в подушку. Полюбовавшись на эту «красоту», Сэм с досадой задвинула зеркало обратно в ящик стола.

Она огляделась и поднесла ладонь к светильнику, позволяя теплу магического огня коснуться кожи. Сэм поймала эту искорку даром и осторожно потянула магию из светиль-

ника. По телу прокатилась теплая волна.

Золотистая лента света послушно свилась в маленький сияющий шарик, зависший прямо перед лицом. Сэм кончиками пальцев подтолкнула его вверх. Огонёк легко закружился, подскочил — и мягко опустился обратно, словно ручной светлячок.

Огненная магия всегда притягивала Сэм.

В детстве она изрядно потрепала нервы бабушке, пытаясь освоить и подчинить эту стихию. Сил у неё, мелкой, не хватало, дар к огненной магии в принципе отсутствовал, но всё это перебивалось ослиным упрямством и твёрдой уверенностью, что ей это по силам.

Немало тому способствовало и восхищение в глазах их неизменной команды: сестры, которая была младше Сэм на три года, и соседского пацана, тайно влюблённого в неё. Ну... тогда ей так казалось, что влюблённого. Их компания была небольшой, но дружной. Всё было обычно и весело до определённого момента, а потом... потом всё пошло кувырком.

Привычно расстроившись, Саманта с усилием отогнала неприятные воспоминания. Огонёк чуть потускнел и растворился, уступив место сумеркам — запаса магии в светильнике без подпитки хватало ненадолго. А она и не заметила, как стемнело.

Сэм вздохнула, потёрла глаза и покосилась на тёмный экран монитора. Настроение стремительно портилось, утя-

гивая за собой куда-то в вязкую, серую муть.

— Ничего, — пробормотала она. — Просто день такой.

Она встала, потянулась, хрустнув затёкшей спиной, и подошла к окну. За стеклом темнел сад, деревья шелестели листьями, будто перешёптывались о чём-то своём. О чём-то таком, чего ей пока не дано понять.

— Ладно, — сказала Сэм вслух, и голос её прозвучал глухо, но решительно. — Хватит рефлексий. Надо в аптеку сбежать. Но сначала поесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.